

несносные мужчины! Развѣ она способна понимать истинную любовь! Они больше разсуждаютъ, чѣмъ любятъ. Они не понимаютъ культа любви. Они не могутъ жертвовать всѣмъ; рѣшительно всѣмъ, во имя высокаго, священнаго, божественнаго чувства любви!..

Бальзаковская дама, которой стукнуло уже за 30 лѣтъ, не можетъ, конечно, остаться довольною плаксивыми рѣчами своего второго мужа. Она мучается. Но ее терзаютъ уже не муки, испытываемыя любимымъ ею человѣкомъ, а сознаніе, что человѣкъ этотъ вышелъ изъ ея обладанія; что она не можетъ уже любить по страсти, по буйному влеченію, по категорическому требованію неукротимаго темперамента, а должна внести въ свое чувство элементъ разсудочности, самое опасное изъ всего, съ чѣмъ можетъ соприкасаться когда-либо ея запоздавшая страсть. И вотъ, когда Николай Аркадьевичъ, чувствуя себя не въ состояніи влечь свое несчастное существованіе, дѣлаетъ себя жизни, она разражается страстной филиппикой противъ него, называетъ его маниакомъ, безумцемъ. «Лучше совсѣмъ быть безъ совѣсти, — заканчиваетъ она потокъ своего годовища, — чѣмъ не знать страсти, не знать ея восторговъ, не звать единой радости жизни, единой и все искупающей!».

Бѣдный Николай Аркадьевичъ! Не умри онъ такъ скоро послѣ своей жанильбы на страстной жрицѣ Афродиты, онъ получилъ-бы, вѣроятно, въ скоромъ времени, какъ и первый ея мужъ, возможность убѣдиться, что значить любовь, жертвующая совѣстью во имя страсти!..

II.

Крайне интересно было-бы спросить у Авдотьи Петровны, какого она мнѣнія о героинѣ новаго разсказа г. Чехова «Три года» — Юліи Сергѣевнѣ. Какъ и сама Авдотья Петровна, она также не любила человѣка, за котораго вышла впоследствии замужъ. Скромная провинціальная дѣвушка, она проводила свою жизнь почти въ полномъ одиночествѣ. Матери у нея не было почти съ семи лѣтъ, отецъ же ея, врачъ, вѣчно брызжавшій на окружающихъ, никогда не могъ пользоваться ея откровенностью. Когда Лаптевъ, чловѣкъ съ высшимъ образованіемъ, представитель нѣкѣйшей московской фирмы, сдѣлалъ ей неожиданно предложеніе, она столь-же неожиданно [ему отказала. Да

и какъ было не отказать? Вѣдь она не любила его. Но сдѣлавъ этотъ важный шагъ, она очнулась. Неужели ему слѣдовало отказать? Юліи надо было съ кѣмъ-нибудь посоветоваться, надо было проверить свои сомнѣнія, а совѣтоваться было не съ кѣмъ. Неужели разумно отказывать человѣку только потому, что не нравится его наружность? Правда, выйти безъ любви, за нелюбимаго человѣка, значить — пренебречь всѣми своими мечтами и надеждами, своими понятіями о счастьѣ и супружеской жизни; но встрѣтитъ-ли она когда-либо интереснаго человѣка и полюбитъ-ли? Однимъ словомъ, съ Юлією Сергѣевною повторилась та-же исторія, что и съ Авдотьей Петровною: надо выйти замужъ, — и она вышла. И вотъ скромная провинціальная дѣвушка беретъ свой отказъ назадъ и, сдѣлавшись женою богатаго Лаптева, оставляетъ свою тихую однообразную жизнь для веселаго раздолья столицы. Впрочемъ, Юлія Сергѣевна, чистая, какъ сама невинность, не увлекается Москвою. Ей тяжело. Она не любитъ своего мужа, сознавая въ то-же время, что, не любя человѣка, съ которымъ связала свою жизнь, она совершаетъ тяжкое преступленіе. Да и это сознаніе у нея не вполне еще оформилось. Каковы ея чувства? Чѣмъ занята ея мысль? Лаптевъ очень страдаетъ. Медовый мѣсяцъ давно уже прошелъ, а онъ, смѣшно сказать, еще не знаетъ, что за человѣкъ его жена. Своими инстингитскими подругамъ и отцу она пишетъ длинныя письма на пяти листахъ, а съ нимъ говоритъ только о погодѣ и о томъ, что пора обѣдать или ужинать. Когда она предъ сномъ долго молится Богу и потомъ цѣлуетъ свои крестики и образки, онъ никакъ не можетъ понять, что ей собственно нужно отъ Бога, и, глядя на нее, думаетъ съ ненавистью: «Вотъ она молится, а со мной поступила, въ сущности, какъ продажная». Онъ даже пробовалъ утѣшать себя цинически, что за что онъ платитъ, то и беретъ, но это выходило ужасно. Будь это здоровая, наглая, смѣлая, распутная женщина, — ну, тогда такое утѣшеніе, быть-можетъ, и годилось-бы въ пьяную или заую минуту, но вѣдь тутъ молодость, благородныя черты, религиозность, кротость, а, главное, онъ любилъ ее до боли и не былъ увѣренъ, что она сдѣлалась его женою только за деньги.

— Ты моя жена уже полгода,—сказалъ онъ ей какъ-то,—но въ твоей душѣ нѣтъ даже искры любви, нѣтъ никакой надежды, никакого просвѣта! Зачѣмъ ты вышла за меня?—говорилъ Лаптевъ съ отчаяніемъ.—Зачѣмъ? Какой демонъ толкалъ тебя въ мои объятія? На что ты надѣялась? Чего ты хотѣла?

Она протянула къ нему обѣ руки и смотрѣла на него съ ужасомъ, точно боясь, что онъ убьетъ ее.

— Я тебѣ нравился? Ты любила меня?—продолжалъ онъ, торопясь говорить и задыхаясь.—Нѣтъ! Такъ что-же? Что? Говори; что?—крикнулъ онъ.—О? проклятыя деньги! Проклятыя деньги!

— Клянусь Богомъ, нѣтъ,—воскликнула она и перекрестилась. Она вся сжалась отъ оскорбленія, простонала, и онъ въ первый разъ услышалъ, какъ она плачетъ.—Клянусь Богомъ, нѣтъ!—повторила она.—Я не думала о деньгахъ, онѣ мнѣ не были нужны, мнѣ просто казалось, что если я откажу тебѣ, то поступлю дурно. Я боялась испортить жизнь тебѣ и себѣ. И теперь страдаю за свою ошибку, невыносимо страдаю.

Она горько зарыдала, и онъ понялъ, какъ ей больно, и, не зная, что сказать, онъ опустился передъ нею на коверъ.

— Довольно, довольно,—бормоталъ онъ.—Оскорбилъ я тебя, потому что люблю безумно,—онъ вдругъ поцѣловалъ ее въ ногу и страстно обнялъ.—Хоть искру любви!—бормоталъ онъ.—Ну, согласи мнѣ! Согласи! Не говори, что это ошибка!

Но она продолжала плакать, и онъ чувствовалъ, что его ласки она переноситъ только какъ неизбежное послѣдствіе своей ошибки. И ногу, которую онъ поцѣловалъ, она поджала подъ себя, какъ птица. Ему стало жаль ее.

— Я, Юлія, виновата передъ тобой, моя голубка,—сказалъ онъ мягко и погладилъ ее по волосамъ.—Объщаю тебѣ, что больше уже никогда не будетъ такихъ объясненій.

Когда у Юліи родился ребенокъ, она отдалась ему всѣмъ тѣломъ и душою.

— Скажите,—спросилъ у нея какъ-то Ярцевъ (другъ Лаптева),—оттого, что вы такъ сильно любите ребенка, не уменьшилась-ли ваша любовь въ мужу?

Юлія пожала плечами.

— Не знаю,—сказала она.—Я никогда сильно не любила мужа, и Оля—это въ

сущности моя первая любовь. Вы знаете, я вѣдь не по любви шла за Алексѣя. Прежде я была душой, страдала отъ этого, все думала, что погубила и его, и свою жизнь, а теперь вижу, никакой любви не нужно, все вздоръ. Все это. Иванъ Гавриловичъ, однѣ выдумки, честное слово!

— Но если не любовь то какое-нибудь чувство заставляетъ васъ жить съ мужемъ?

— Не знаю... Такъ, привычка, должно быть. Я его уважаю, мнѣ скучно, когда его долго нѣтъ, но это—не любовь. Для моего счастья достаточно сознанія, что это умный, честный, очень добрый человѣкъ.

Время шло. Честное, кроткое, непорочное сердце Юліи не могло не раскрыться для человѣка, съ которымъ связала ее судьба: Юлія стала скучать безъ мужа, а разъ, послѣ того, какъ онъ долго не пріѣзжалъ къ ней на дачу, заявила ему, что счастлива съ нимъ, что любить его больше всего на свѣтѣ. Лаптевъ сидѣлъ потомъ на террасѣ и видѣлъ, какъ по аллеѣ тихо шла его жена, направляясь къ дачѣ. Она о чемъ-то думала, и на ея лицѣ было грустное, очаровательное выраженіе, и на глазахъ блеснули слезы. Это была уже не прежняя, тонкая, хрупкая, блѣднолицая дѣвушка, а зрѣлая, красивая, сильная женщина. И Лаптевъ замѣтилъ, съ какимъ восторгомъ смотрѣлъ ей навстрѣчу Ярцевъ, какъ это ея новое, прекрасное выраженіе отражалось на его лицѣ, тоже грустномъ и восхищенномъ. Казалось, что онъ видѣлъ ее первый разъ въ жизни. И когда завтракали на террасѣ, Ярцевъ какъ-то радостно и застенчиво улыбался и все смотрѣлъ на Юлію, на ея красивую шею. Лаптевъ слѣдилъ за нимъ невольно и спрашивалъ себя: что, если Ярцевъ полюбитъ его жену?

Бальзаковская дама изъ разсказа г. Боборыкина, навѣрно, торжествуетъ. Она увѣрена, что дѣло кончится драмой и, можетъ быть, такой-же дуэлью, какая произошла между ея первымъ мужемъ и любовникомъ. Но напрасно. Юлія Сергѣевна не полюбитъ Ярцева и никого вообще не будетъ любить, кромѣ мужа...

М. Полтавскій.